

Глава 5

Богиня правосудия носит на глазах повязку

Если я и нуждался в напоминании о том, насколько потенциально опасным для осведомителя может быть расследование в финансовой отрасли, то я получил его в феврале 2003 года. Честный человек по имени Питер Сканнелл работал в колл-центре компании *Putnam Investments* в городе Куинси, штат Массачусетс, занимаясь в основном приемом от клиентов ордеров на покупку и продажу. С течением времени он понял, что некоторые из его клиентов занимаются маркет-таймингом; в конце операционного дня, если американский рынок акций шел вверх, они покупали ПИФы с иностранными акциями, рассчитывая, что на следующий день при начале торгов на иностранных рынках эти акции поднимутся. Многие из этих сделок осуществлялись членами Профсоюза рабочих тяжелой промышленности. Хотя технически такие действия нельзя назвать незаконными, они являются нарушением постановлений Национальной ассоциации дилеров по ценным бумагам, поскольку ставят в невыгодное положение долгосрочных инвесторов, поэтому большинство фондов не заключает сделки с маркет-таймерами. Когда Сканнелл сообщил о случаях маркет-тайминга руководству *Putnam*, его, насколько мне известно, проигнорировали. И все же Сканнелл, хотя и не получил поддержки от руководства, перестал принимать ордера членов Профсоюза рабочих тяжелой промышленности.

Как-то холодным и снежным февральским вечером он сидел в своей машине и пил кофе. Машина стояла на плохо освещенной церковной парковке за дюжину миль от моего дома. По словам Сканнелла, грузный мужчина в серой спортивной фуфайке, украшенной надписью “Профсоюз рабочих тяжелой промышленности Отделение 5”, напал на него и нанес несколько ударов кирпичом по голове со словами “лучше бы тебе заткнуться”.

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

Потом он исчез, оставив Скэннелла умирать на парковочной площадке. К счастью, его обнаружил полицейский. Сначала он решил, что Скэннелл пьян, и только когда подошел поближе, чтобы разбудить его, увидел кровь и немедленно отвез его в больницу. Скэннелл выжил каким-то чудом. Но я понял намек: если член местного профсоюза попытался убить Скэннелла из-за миллионов, можно представить себе, на какие действия пойдут преступные организации из-за миллиардов.

Как это ни странно, но нападение на Скэннелла изменило и мою жизнь. Скэннелл в итоге подал жалобу на маркет-таймеров в бостонский офис Комиссии по ценным бумагам и биржам (SEC). Прождав пять месяцев и так и не получив ответа, он отправился к министру по делам Содружества штата Массачусетс Уильяму Галвину. Уильям инициировал расследование, в результате которого компании *Putnam* было предъявлено обвинение в мошенничестве, ее исполнительный директор подал в отставку, а клиенты забрали с ее счетов десятки миллиардов долларов. Этот случай также вынудил главу бостонского офиса SEC Хуана Марселино уволиться по собственному желанию в ноябре, через несколько дней после сообщения о том, что SEC проигнорировала жалобу Скэннелла. А 9 сентября 2003 года генеральный прокурор штата Нью-Йорк Элиот Спитцер и министр по делам Содружества штата Массачусетс Галвин официально предъявили обвинение нескольким хедж-фондам в Нью-Йорке и компании *Putnam Investment* в Бостоне — в том, что они позволили маркет-таймерам присваивать доходы акционеров в долгосрочные фонды.

Бостонский офис SEC был публично унижен, ему было предложено исправить свою ошибку, взявшись за судебное расследование дел, связанных с маркет-таймингом. А SEC изъявила желание выплачивать награду за информацию. Эд Мэнион позвонил мне, чтобы узнать, знаю ли я что-нибудь о людях, занимающихся маркет-таймингом в Бостоне, и сообщил: “Если у тебя есть для нас какие-то материалы, то у нас действует программа поощрения. Мы можем заплатить тебе до 10 процентов и трехкратную компенсацию убытков”.

Я кое-что знал об этой программе поощрения. Например, я знал, что Мэдофф не занимался опережением рынка, поэтому на его случай она не распространялась; но Эд так не считал: “Разумеется, программа применяется к этому случаю, — заявил он. — В этом деле есть деньги. Дайте нам серьезные материалы, и заработаете миллионы долларов”.

Несколько дней я обдумывал эти слова. Миллионы долларов?.. У меня жена и двое детей, и я трачу силы на работу, которая мне давно не интересна. Миллионы долларов? “Возможно, это то, чем мне действительно

понравится заниматься”, — подумал я. Я начал изучать информацию об осведомителях. Я заказал на Амазон несколько книг об осведомителях и о расследовании афер и быстро прочитал. Истории привели меня в восхищение. “Я могу это делать, — подумал я, — и это будет намного интереснее того, чем я занимаюсь сейчас”.

Маркет-тайминг — не такая уж необычная вещь. Мировые рынки открыты 24 часа в день. Биржевой операционный день начинается в Азии, движется через Европу и заканчивается в США в конце рабочего дня. Европейские и азиатские рынки обычно повторяют ситуацию на рынке США; если у нас в обед происходит повышение курсов, то на этих рынках рост наблюдается на следующий день. Но цены акций на этих рынках не отражают результатов операционного дня в США, который оставляет четыре часа на арбитражные сделки. Маркет-таймеры покупают международные ПИФы и забирают доходы, а держателям паевых фондов оставляют торговые издержки. По сути, маркет-таймеры залезают в карманы долгосрочных инвесторов. Противозаконным в этом было то, что паевые фонды клялись, будто они не допускают маркет-тайминга, а на самом деле разрешали отдельным крупным привилегированным клиентам самовольно выбирать момент для сделок с этими фондами. Другими словами, богатым клиентам маркет-тайминг был разрешен, а мелким инвесторам говорили, что этого нет. Они вводили в заблуждение держателей своих акций.

Как бывший президент Бостонского общества финансовых аналитиков, я знал всех финансистов в США, которые имели возможность заниматься маркет-таймингом. С большинством из них я познакомился на конференции дипломированных финансовых аналитиков. Я начал обзванивать их по вечерам, пробуя свои силы в работе осведомителя. Я говорил им, что SEC крайне заинтересована в пресечении маркет-тайминга и предлагает программу вознаграждения, по которой выплачивает до 30 процентов от полученных нечестным путем доходов или от потерь, которых удалось избежать. “Это билет на выход из финансовой отрасли, — напрямую говорил я и предлагал: — если мы займемся этим делом вместе, то вознаграждение пополам”. Несколько месяцев спустя я приступил к созданию следственной группы. Я нашел команду юристов, которые могли на нерегулярной основе вести судебные дела, и узнал, как сохранить конфиденциальность своих потенциальных сотрудников. Расследование случаев маркет-тайминга стало моей второй работой. Я приходил домой поздно вечером и почти сразу бежал в свой офис на чердаке. Эта деятельность захватила меня целиком. Компании обманывали своих клиентов, я помогал их поймать и, возможно, заработать на этом несколько миллионов

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

баксов. Я работал без отдыха, ночи напролет и в выходные дни, забыв о том, что кроме работы, есть еще личная жизнь. Мне надо было выявить случаи мошенничества, нанять осведомителей и задокументировать все данные, чтобы моя команда юристов могла подготовить дело для передачи в суд. Я должен был объяснить своим осведомителям, на что надо обращать внимание и где заканчиваются их полномочия, а также постоянно поддерживать их морально.

Осведомитель до ужаса одинок. Вы подвергаете опасности свой источник дохода, возможно, даже свою жизнь, но никому не можете об этом рассказать. Вы вынуждены ходить на работу, как будто ничего не произошло и как будто вы не приняли решение разоблачить незаконные действия своей компании. Вы делаете это, понимая, что из-за ваших действий пострадают люди, с которыми вы работаете, а некоторые из них даже попадут за решетку. Это очень трудно вынести. Поэтому мне пришлось стать не только наставником, но и исповедником для многих моих людей.

И единственным человеком, который знал, чем я занимаюсь, была моя жена Фейт.

Мне нужно было научиться совершенно новому бизнесу. После того как у меня накопилось несколько “убедительных дел”, я позвонил самому лучшему из всех известных мне юристов, специализирующихся на ценных бумагах, и рассказал ему, какие данные мне удалось собрать. Он объяснил, что его фирма не может вести такие дела, потому что специализируется как раз на защите интересов компаний, против которых SEC выдвигала обвинения; ее клиентами были крупные корпорации, которые нанимали ее на постоянной основе. Мне же требовалась фирма, которая представляла бы потерпевшую сторону; обычно этим занимались мелкие фирмы, работающие на нерегулярной основе и получающие оплату по результату — т.е. в случае выигрыша дела. “В наших интересах, чтобы фирмы, представляющие пострадавшую сторону, подавали подобные иски. Тогда мы сможем их оспаривать”, — объяснил юрист и дал мне номера телефонов нескольких хороших компаний.

Вот так я нашел юридическую фирму, которая начала со мной работать.

За истекший период я уже мог представить 20 случаев маркет-тайминга, в результате чего инвесторов обманули не менее чем на двадцать миллиардов долларов. В число компаний, против которых выдвигались обвинения, вошло несколько крупных ПИФов и учреждений. Двадцать миллиардов долларов. Найти их было не очень сложно, хотя, конечно же, вы никогда не увидите, как главный исполнительный директор указывает в

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

своем ежегодном отчете для инвесторов, что в этом году мошенничество увеличилось на 25 процентов. Этот год был богат на аферы; это наш самый прибыльный продукт. Я надеюсь, что мы поднимем объем мошенничества с 25 процентов в год до бесконечности. У меня отличная команда жуликов; мы считаем, что нам удалось собрать у себя лучших обманщиков отрасли. Собственно говоря, большинство дел появилось на свет после того, как я изучил открытые отчеты компаний. В их годовых отчетах, счетах о прибылях и убытках, балансовых отчетах и примечаниях к ним было полно улик — надо только уметь их находить. А для этого требовался опыт работы в финансовой отрасли и знание математики. Для меня некоторые показатели сияли, как алые мигающие буквы неоновой вывески: “Мы жулики. Наши показатели слишком хороши, чтобы быть правдой”. Я обнаружил эти дела, анализируя числа, убеждая работников поговорить со мной и получая от них информацию, которая давала мне истинную картину того, как их компании ведут бизнес. Вербовка служащих оказалась для меня самым сложным делом. В конечном итоге я передал все 20 дел в SEC, совершенно уверенный в том, что в каждом из этих случаев я совершенно точно установил, что эти компании, вне всяких сомнений, обманывали своих инвесторов с помощью маркет-тайминга.

На бумаге я уже был богатым человеком.

В начале 2004 года я начал подумывать о том, чтобы уйти из *Rampart*. Не потому, что был богачом на бумаге, а, скорее, из-за того, что, когда я просыпался рано утром, у меня портилось настроение при мысли о еще одном дне в этой компании. На каком-то уровне я всегда чувствовал, что не принадлежу финансовой индустрии. Я знал не меньше ста человек из числа специалистов по вторичным ценным бумагам, которые были лучше меня. Все работающие в финансовой отрасли очень умны, поэтому единственный способ выделиться на их фоне — это оказаться гениальным. Я знал некоторых таких гениев достаточно хорошо и знал, что не принадлежу к их числу. Я не входил в один процент самых лучших. Прошло уже почти пять лет с тех пор, как я в последний раз видел новые, захватывающие математические методы. Вокруг был все тот же старый хлам, только в новой упаковке. Мне казалось, что отрасль не производит продукты, которые люди хотели бы покупать. В общем, мне все это ужасно надоело.

Расследование дела Берни Мэдоффа, равно как и работа по делам о мошенничестве с помощью маркет-тайминга, за которую я взялся, убедили меня, что я могу добиться успеха в расследовании афер. И я наслаждался этим занятием. Взглянув на Уолл-стрит через свое “разоблачительное стекло”, я осознал, сколь огромная часть бизнеса строилась на обмане и

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

очевидном мошенничестве. Финансисты, работавшие в отрасли, знали, что это нехорошо. Мне случалось видеть по телевизору рекламные ролики крупных фондов — и я только качал головой, не веря своим глазам. Те фантазии, которые они продавали, не имели ничего общего с той действительностью, которую я знал. Это не касается какого-то отдельного человека или компании, но непорядочность — широко распространенное явление, и честное большинство в отрасли мало что может сделать с продажным меньшинством, не прибегая к помощи местных, штатных и государственных агентств. А этой помощи просто не существует.

Я был уверен, что знаю, как разоблачить этих мошенников. Мой опыт работы с производными финансовыми инструментами дал мне математические навыки, благодаря которым я многое мог почерпнуть из рекламных брошюр, годовых отчетов и других открытых документов. И я знал, что в методах ведения бизнеса в финансовой отрасли поселилось столько лжи, что я предпочитал оказаться по другую сторону баррикад.

Я не раз обсуждал это с Фейт. Хотя мысль о том, что у меня не будет стабильного источника средств к существованию, заставила ее понервничать, она сказала мне просто и прямо: “Если ты чувствуешь себя несчастным на этой работе, лучше от нее отказаться”. Мы оба знали, что если я так и сделаю, нам придется жить на деньги, которые мне удалось скопить, но большей частью мы будем зависеть от ее зарплаты, пока я не смогу довести до конца несколько дел. Я был уверен, что это произойдет довольно скоро, но никаких гарантий не было. К счастью, карьера Фейт складывалась вполне успешно. Она занимала должность старшего аналитика в крупном паевом инвестиционном фонде в Бостоне. Мой уход из *Rampart* означал, что какое-то время нам придется жить на одну только “уолл-стритовскую” зарплату, но мы окончательно решили, что время пришло. К нашему счастью мы всегда вели экономный образ жизни, купили доступный по средствам дом с небольшой выплатой по закладной, владели двумя автомобилями и не были обременены долгами, о которых нам пришлось бы беспокоиться. Благодаря годам экономной жизни и мудрому инвестированию у нас были средства, позволяющие мне начать новую карьеру.

Когда пять лет назад я впервые случайно ознакомился со стратегией защитного воротника Мэдоффа, я не мог себе представить, чем все это обернется, как не мог представить и того, что это станет началом конца моей карьеры управляющего портфелем деривативов.

В мае 2004 года я предупредил *Rampart* о своем уходе, предложив остаться до конца октября, чтобы у компании было достаточно времени

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

на поиск и подготовку нового специалиста. Я чувствовал себя обязанным этой компании. Я проработал в ней почти 13 лет и ценил все, что мой работодатель для меня сделал. Я объяснил, что некоторое время занимался расследованием случаев мошенничества, не упоминая Мэдоффа. Я обнаружил, что инвесторов нередко обманывают, а благодаря годам, проведенным в *Rampart*, я обладал средствами, опытом и навыками, чтобы разоблачить мошенников. Или хотя бы некоторых из них. В компании к моему заявлению отнеслись добродушно. Я порекомендовал своего преемника, действительно умного парня по имени Ник Пенна, и в середине августа его взяли на работу. А две недели спустя, в последний августовский день, меня неожиданно поставили перед фактом, что это мой последний день на работе.

Но я подготовился к этому еще несколько месяцев тому назад, постепенно забирая домой личные вещи, которые могли мне пригодиться. То, что осталось, тоже было собрано и готово к переезду. По правде говоря, у меня, как у любого настоящего технаря, имеется своя фобия — я боюсь микробов. Не то чтобы я был одержим этой боязнью, просто опасуюсь. В *Rampart* я всегда держал на столе бутылку медицинского спирта и ватные палочки и время от времени протирали свою клавиатуру, мышку и телефон. Джордж Дево, наш последний директор по инвестициям, часто простужался и чихал или кашлял, не прикрывая свой нос или рот. Последнее, что я сделал в свой последний рабочий день, — взял медицинский спирт и тщательно протер клавиатуру, мышку и телефон. После этого я вышел в открытую дверь, чтобы начать новую жизнь.

В 2004 году в нашей команде не только я искал новые возможности. Работа Фрэнка Кейси в *Parkway Capital* мешала его занятиям парусным спортом, которые стали связующим звеном между ним и Тьерри де ла Виллошо. Всю рабочую неделю он со своей женой Джуди жил во Фрихолде, штат Нью-Джерси, возвращаясь в Бостон каждые выходные. Поэтому когда его близкий друг Кевин Лири пригласил его отправиться в плавание от Бостона до Бермуд на 38-футовой яхте *Sennen*, он с радостью согласился. Третьим членом команды стала дородная русская, откликнувшаяся на рекламное объявление о поиске кока, которое Кевин разместил в Интернете. По ее утверждению, она была врачом с большим опытом мореходства.

Sennen вышла из бостонского порта 31 июля. Когда они отплыли, жена Фрэнка Джуди заплакала — впервые за 24 года их совместной жизни — и спросила, где хранятся страховые полисы. Это было довольно странно.

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

Перед отплытием Кевин и Фрэнк тщательно изучили все метеорологические карты и не увидели ничего, что могло бы вызвать беспокойство. Но в течение первых нескольких дней их плавания по спокойным водам Фрэнк начал сомневаться в коке. Похоже, она совершенно не знала, как ставить паруса, и не была знакома с некоторыми медицинскими терминами. Тем не менее это не вызывало особого беспокойства; для шестидневного плавания это не было критичным.

На третий день служба погоды сообщила, что в районе побережья Флориды сформировался тропический шторм и продвигается на северо-восток. Они решили продолжить свой путь к Бермудам через Гольфстрим, используя его теплые воды как щит, чтобы укрыться от шторма. Но было жизненно важным пересечь его до того, как разразится шторм. Фрэнк знал, что сильные ветры, которые дуют в районе этого течения, вызывают гигантские волны с плоскими боками, похожие на амбарные стены... Представьте себе дорожку для боулинга, на которой роль мяча играет шторм; вы вряд ли захотите быть кеглями. Моряки знают, что можно выжить во время урагана в открытом океане, но если он застанет их в Гольфстриме, то, скорее всего, их ждет гибель.

На третий день ближе к вечеру они узнали, что тропический шторм перерос в первый в этом сезоне ураган по имени Алекс, который продвигается на северо-восток намного быстрее, чем предполагалось сначала. Он шел прямо на *Sennen*. Чтобы спастись, они решили всю ночь гнать лодку в сторону Африки.

К этому моменту было очевидно, что у русского кока очень мало опыта в мореходстве. Ей велели оставаться внизу и следить, чтобы незакрепленные предметы не летали по каюте, если в яхту ударит волна. Фрэнк и Кевин провели всю ночь на кокпите, каждые четверть часа сменяя друг друга у румпеля, смертельно измученные безумной гонкой в штормовом море... Малейшая потеря концентрации могла означать катастрофу. К полудню между яхтой и путем следования Алекса было уже 200 миль. Конечно, они придут на Бермуды на три-четыре дня позже запланированной даты, но зато они успешно обошли ураган. Впервые за два дня они вздохнули спокойно.

Вот что записано в корабельном журнале: “Вечером того же дня, около 9 вечера по бостонскому времени, в *Sennen* ударила огромная волна аномальной высоты... Вода проникла в люк трапа, хотя он и был закрыт. Вода мгновенно вывела из строя почти всю электрическую систему яхты, включая все три радиоприемника, навигационный компьютер, монитор, инвертер и даже GPS. Эта огромная волна также раздробила ветровое

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

стекло из фибергласа и вывела из строя блок управления автопилотом и контроллер рулевого управления. Вдобавок, соленая вода проникла в топливные баки ... выведя из строя двигатель”.

Когда ударила волна, Фрэнк отдышал в кабине. Позже он прикинул, что она была в 60 футов высотой или даже выше. Когда вода обрушилась на сходни люка, его подбросило вверх. “*Боже мой*, — подумал он, — *мы под водой*”. Как потом он рассказывал, киль выровнял лодку и мы резко пошли вверх, и я полетел обратно через кабину прямо в обшивку правого борта. Я не слышал ничего, кроме криков кока.

Яхта взмыла на волне вверх, а потом резко нырнула вертикально вниз, точно брошенный в землю нож. Электроника и двигатель были мертвы. Топливо и пресная вода смешались с морской водой. Смерть была близка и реальна. В борьбе за жизнь Фрэнк забыл о Берни.

Sennen не утратила плавучести, поэтому они подняли паруса и решили попытаться доплыть до Бермуд. Но сделать это им так и не удалось. “Поздно вечером я стоял на вахте, — рассказывал Фрэнк. — Внезапно ветер стих, и я проклял все на свете... Раздался грохот, точно от мчащегося на тебя товарного поезда, и я обернулся, чтобы увидеть опасность лицом к лицу — это был так называемый «белый шквал», тропический шквал при безоблачном небе... Я не мог видеть в темноте, но знал, слышал, как свирепый ветер гонит на нас стену дождя; она ударила [и] *Sennen* подпрыгнула, как испуганная лошадь”.

И снова им удалось выжить; каким-то непостижимым образом *Sennen* удержалась на плаву. Но на следующий день их ждало новое испытание, на этот раз в виде исполинской волны. По словам Фрэнка, они “соскользнули по ее боку”, и снова каким-то чудом *Sennen* сохранила плавучесть. Они почти ничего не могли сделать. Они были измучены, лишились запасов, к тому же надо было что-то делать с коком, которая от ужаса кричала ночи напролет. Не имея возможности получить сводку погоды, они должны были решить, что делать дальше — либо рискнуть и отправиться в длинное плавание к Бермудам на разбитой яхте, либо включить аварийный радиомаяк, вызвав таким образом спасателей. Не хотелось рисковать чужими жизнями, но выбора не было. Они включили радиомаяк, который начал посылать в ночь сигналы о помощи.

Примерно десять часов спустя их обнаружил самолет береговой охраны S130. Пилот сбросил им радиоприемник, и команда получила указания дожидаться помощи танкера *Golar Freeze*, который должен прибыть через полчаса. Подняться на борт огромного судна с маленькой парусной яхты при высоких и сильных волнах, грозящих зажать спасающихся между

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

двумя судами, было не менее опасно, чем продолжать бороться со стихией. Кевина и кока пришлось поднимать на палубу, на высоту 90 футов, грузовой сетью. Но в конце концов все получилось.

Рассказ Фрэнка заканчивался так: “Спустя три месяца после нашего спасения *Sennen* нашли в Саргассовом море... все с тем же плавучим якорем, который мы спустили, чтобы замедлить скорость. Со скоростью полмили в час она дрейфовала к Европе. После того как ее потрепал шторм и *Golar Freeze*, она сильно пострадала, и никому и в голову не пришло бы ее спасать. Брошенная на произвол судьбы, она оказалась в пустынной части океана, куда редко попадают мореплаватели. Увидев ее фото, я прослезился. Слово я бросил в беде тяжело раненого друга... *Sennen* спасла нас, а мы бросили ее погибать в одиночестве”.

В то время как Фрэнк сражался со стихией, я начал свою карьеру с борьбы с куда более коварным врагом. Я стал штатным финансовым детективом — занялся расследованием афер и мошенничества. Мы с Фейт рискнули сделать ставку на мою способность находить крупные случаи мошенничества, собирать свидетельские показания и доказывать государству наличие финансового преступления. Я не собирался преследовать какую-то конкретную личность или группу. Я и так всего боялся из-за Мэддоффа, и мне не хотелось, чтобы мои осведомители попали в такую же ситуацию.

В конечном итоге я взял все свои документы, подтверждающие 20 случаев маркет-тайминга, и передал их в SEC в рамках ее поощрительной программы. Я полностью отдавал себе отчет в том, что SEC имеет право как принять дело для дальнейшего расследования, так и отказать в этом. Они получают сотни тысяч заявлений ежегодно, и у них нет единой системы обработки полученных от осведомителей наводок. Это своего рода конкурс красоты, позволяющий понять, кто раскрывает самые злонамеренные схемы. Мои дела конкурировали со всеми другими заявлениями, которые получала SEC. Но у меня была очень большая уверенность в качестве предоставленной мною информации.

Собственно говоря, SEC отклонила все мои дела прямо в день подачи. Я был в смятении. Я передал им из рук в руки факты, свидетельствующие о том, что компании украли у своих инвесторов миллиарды долларов, а SEC ответила, что все о’кей, они больше не будут. В одном случае ежемесячный оборот в международном ПИФе одной из пяти крупнейших национальных инвестиционных компаний открытого типа составил от 1100 до

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

1300 процентов в месяц! Но это же абсолютно невозможно — невозможно, чтобы такой результат дали законные сделки, проведенные честными инвесторами на основе долгосрочной стратегии “покупай и держи”. Но атторнеям SEC на это совершенно наплевать. Высокопоставленный представитель правоохранительного подразделения SEC в Вашингтоне, округ Колумбия, сказал мне: “Мы покончили с маркет-таймингом. Финансовая отрасль поняла намек”.

Хуже было то, что в одном из моих дел фигурировал осведомитель — работник среднего звена из подразделения ПИФа, находящегося в собственности банка, который позволял своим хедж-фондам торговать своими фондами после закрытия биржи — незаконная практика, известная как “поздняя торговля” (late trading). Когда я рассказал об этом одному из главных адвокатов правоохранительного отдела SEC, он ответил, что через несколько недель этот банк будет куплен другим, более крупным банком, а Федеральная резервная система не обрадуется, если мы сейчас возбудим дело о мошенничестве, потому что это может помешать слиянию. “Никто не заинтересован в наших разоблачениях”, — сказал он.

Я больше не был богачом на бумаге — и в реальной жизни тоже.

И все же я не верил своим ушам. Я спросил его: “А как насчет миллиардов долларов, изъятых из карманов акционеров ПИФов?”. На этот вопрос у SEC не было ответа. Как бы я ни хотел выиграть эти дела, от меня тут ничего не зависело. Я был вынужден отозвать их. Без поддержки SEC мои осведомители подвергались слишком большой опасности. Они легко могли потерять работу и попасть в черный список финансовой отрасли. Просто нечестно было обрекать этих отважных мужчин и женщин и их семьи на финансовые затруднения только потому, что сторожевой пес финансовой отрасли оказался глух, слеп и нем.

Именно тогда я начал понимать, что SEC — это государственное учреждение, захваченное там самым частным бизнесом, для упорядочения которого оно и было создано. Предполагалось, что миссия этого учреждения состоит в защите инвесторов от хищников отрасли; вместо этого оно защищало финансовых хищников от инвесторов. Люди, которым вменялся контроль над финансовой отраслью, больше всего заботились о своих собственных доходах. Защита инвесторов была им абсолютно безразлична. И тогда я понял, что у меня не один враг — Мэдофф, а два: сам Берни и нефункционирующее учреждение, которое просто из кожи вон лезло, чтобы защитить преступника.

У меня достаточно крутой нрав, хотя обычно я его сдерживаю — это продуктивнее. Давным-давно я понял, что пряником достичь можно больше,

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

нежели кнутом. К тому же раньше мне не доводилось испытывать таких ударов. Как ребенок, росший в неблагополучном районе, я привык постоянно сражаться. Я никогда не отличался крупными размерами, поэтому некоторые из этих сражений проигрывал. Но это неважно. Меня можно сбить с ног и намять бока, но на завтра я готов драться снова. В ситуации с SEC я сдержался — я ничего не выиграл бы, показывая характер. Поэтому я смирился с этим интеллектуальным поражением и на следующий день поднялся с постели, чтобы драться снова.

У меня остались свидетельские показания, сваленные в кучу посередине моего офиса. Эта маленькая гора картона и бумаги документально доказывала хищение 20 миллиардов долларов, которое SEC намеревалась спустить с рук компаниям-мошенникам. Я решил проверить, заинтересуется ли расследованием этих дел служба безопасности штата Массачусетс. Для меня это был своего рода тест. Если штат начнет активное расследование этих дел, я передам им дело Мэдоффа. Местный представитель штата в то время жил всего в нескольких кварталах от меня — это была прекрасная женщина по имени Кэтлин Тихан. Я часто видел ее на улицах нашего городка и случайно встретил ее — по иронии судьбы, как раз напротив банка. “У меня проблема, — сказал я ей. — Я раскрыл несколько случаев мошенничества с ценными бумагами, жертвами которых стало множество людей, и я подумал, а не заинтересует ли это Уильяма Галвина?”

Ни один из выборных чиновников не сделал столько для электората, сколько сделала Кетлин. Не зная всех деталей, она назначила мне встречу с двумя старшими членами команды Галвина, встретила со мной возле моего дома, привезла в здание ведомства, лично отвела в кабинет и представила людям, с которыми была назначена встреча. К сожалению, это все, что она могла сделать. Я объяснил этим людям, что у меня есть материалы, согласно которым ПИФы зарабатывают миллионы благодаря маркет-таймингу, и что SEC не проявила интереса к защите инвесторов. Я подчеркнул, что мои случаи не имеют отношения к обману государства — компании обманывали лишь граждан штата. Потом я спросил, есть ли у штата программа вознаграждения. Ее не было. Не хотели бы они ввести такую программу? Нет.

В целом, это были очень приятные люди, и, возможно, они даже хотели что-нибудь сделать, но меня поразило их незнание законодательства по ценным бумагам. Я собирался доверить им свое самое крупное дело, Берни Мэдоффа, но встреча по теме маркет-тайминга прошла так плохо, что я не сказал об этом деле ни слова.

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

Для меня это означало прежде всего то, что никаких денег за свою работу в течение более чем года я не получу. Вознаграждение, на которое я рассчитывал, не будет выплачено, но самой трудной задачей было сообщить моим осведомителям, что правительство не будет рассматривать это дело. Они были героями, эти люди, они рисковали своей карьерой и, как оказалось, напрасно. Для некоторых из них было очень трудно вернуться к своим повседневным обязанностям. Теперь и они поняли, почему богиня правосудия всегда изображается с завязанными глазами.

Моя команда по расследованию дела Мэдоффа теперь была рассредоточена по четырем разным городам. Я находился в Бостоне, Нил — в Тахоме, штат Вашингтон, Фрэнк жил в Маналапане, Нью-Джерси, а Майк остался в Нью-Йорке. Но наше расследование не прекращалось — даже не приостанавливалось. Следствие по делу Берни Мэдоффа уже стало частью нашей жизни — у него уже не было никакой специальной цели и конца ему тоже не предвиделось. Мы не бросали его просто потому, что не могли бросить, к тому же, как мне кажется, нас изумлял его какой-то сюрреалистический аспект. Мы обнаружили самое крупное финансовое преступление в истории. Множество людей знали о нем, при этом в мире явно не существовало механизма, способного его остановить. Я подумывал о привлечении правоохранительных органов, — например, Федерального бюро расследований (ФБР), — но мне казалось очевидным, что если уж федеральное учреждение, непосредственной обязанностью которого было прекращение подобной преступной деятельности, не видело в ней ничего преступного, то люди из ФБР уж точно не отнесутся к моим обвинениям серьезно. А даже если это и не так, то очень сомнительно, что они поймут, в чем тут, собственно, дело. В 2004 году внимание ФБР было сосредоточено на поимке террористов, и оно активно переориентировало агентов с расследования финансовых афер на борьбу с терроризмом.

За те несколько лет, пока мы работали над этим делом, на Уолл-стрит было раскрыто несколько крупных преступлений, например дело Дениса Козловски, главного исполнительного директора компании *Тусо*, который, как утверждалось, получил от компании 400 миллионов долларов в виде неутвержденных компенсаций и истратил часть этих денег на приобретение офисных мусорных ведер за 700 долларов, а также на вечеринку на Сардинии в честь сорокалетия жены; организованное в стиле римских оргий празднество обошлось ему в несколько миллионов долларов. Кроме того, упомянем громкое дело Кена Лея и Джеффа Скиллинга, разоривших компанию *Enron* и обманувших миллионы вкладчиков на миллиарды долларов; дело Берни Эбберса из *WorldCom*, обвиненного в ведении двойной

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

бухгалтерии, с помощью которой он обманул инвесторов на 11 миллиардов долларов. По мере того как каждое из этих преступлений оказывалось в центре событий, правоохранительные органы и профессионалы с Уолл-стрит уныло объясняли, какие меры они принимают, чтобы гарантировать, что такое мошенничество никогда не повторится и что они делают для защиты инвесторов. Мы не могли удержаться от смеха. Я рассказал SEC о настоящем преступлении, которое затмевало собой все остальные, об афере, которая могла непосредственно повлиять на жизнь большего количества людей, чем любая другая, а им было все равно. Поэтому мы просто продолжали. Ситуация была безумной, и мы это знали и придумали на эту тему множество шуток, ведь только это нам и оставалось.

Мы активно отслеживали 20 фидер-фондов, которые, как нам было известно, инвестировали в Берни. Время от времени мы общались друг с другом по телефону, но чаще по электронной почте. Я продолжал встречаться с Майком Окрантом. В *Benchmark Plus* у Нила, кстати, условия для сбора информации были намного лучше, чем когда он работал в *Rampart*. Вскоре после того, как Фрэнк взяли на работу в *Benchmark*, мы обедали в Маналапане со Скоттом Францблау, одним из партнеров и главой отдела маркетинга *Benchmark*. Я предположил, что Маналапан — это индийское слово, означающее кукурузные поля и коров, потому что все это окружало офис *Benchmark*. Ближайшим местом, в котором можно было перекусить, был гольф-клуб в миле по дороге, именно там мы и обедали.

Фрэнк, наверное, уже рассказал Скотту о Мэдоффе, потому что он уже знал, что тот был мошенником. Я помню, как он качал головой, не веря своим ушам, когда мы повторили некоторые из наших доказательств. Он все понял. После этого он поддерживал Фрэнка — а позже и Нила — в их стремлении собрать дополнительные факты против Мэдоффа. Он понимал, что Берни гадит в его угожьях, и хотел его оттуда выгнать. Мне хочется думать, что в этом смысле Скотт — типичный менеджер финансовой отрасли, но я в этом не совсем уверен. К сожалению, руководителей вроде Скотта, поощряющих своих сотрудников поступать, как нужно, слишком мало. Слишком много других начальников знали, что Мэдофф аферист, однако держали эту информацию при себе.

На своей должности в *Benchmark* Нил встречался и разговаривал в прямом смысле слова с тысячами менеджеров, работающих в сотнях различных фондов, среди которых были инвестиционная фирма *Fairfield Greenwich* и паевой фонд *Oppenheimer* из Тремонта, который, как мы позже узнали, инвестировал в Мэдоффа 3,3 миллиарда долларов. Поскольку в компетенцию Нила входило распределение сотен миллионов долларов,

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

эти фонды были счастливы раскрыть ему свои карты, предоставляя ему больше информации, чем мы когда-либо могли получить. Он собирал годовые финансовые отчеты и модели портфелей; эти менеджеры дрожали от волнения, отвечая на каждый его вопрос. Благодаря тому что у Нила было математическое образование, которого не доставало Фрэнку, он мог получить намного более подробную информацию, чем нам когда-либо удавалось прежде.

Из-за того что я покинул эту отрасль, я уже не мог собирать информацию. Вместо этого я накапливал все новые материалы, присылаемые мне Фрэнком, Нилом и Майком, и часами в своем офисе анализировал их, объединяя с тем, что у нас уже было. Я все обдумывал, писал отчеты и в завершение связывался с правительством. По собственному желанию я стал одиноким стрелком, который идет впереди строя, — и его отлично видит враг или враги. Уже давно я потерял всякие надежды заработать на этом занятии хоть какие-то деньги — мы все расстались с этой надеждой — но это дело нужно было довести до конца, и мы это делали. Если не мы покончим с ним, то кто? Возвращаясь мыслями в 2000 год, я думаю, что уже тогда у нас было более чем достаточно данных, чтобы остановить Мэдоффа, но потом мы обнаружили еще больше информации.

В результате сотен бесед, изучения тысяч страниц документов и моего путешествия в Европу мы установили более 17 новых красных флажков. Пожалуй, самым красноречивым был тот факт, что Мэдофф добровольно отказывался от огромной прибыли. Ни один человек, которого мы знали в этой отрасли, не оставлял по собственной воле деньги на столе, за исключением Берни. Работая Мэдофф как хедж-фонд, он бы начислял 1 процент комиссионных за управление средствами и 20 процентов прибыли, что в его случае составляло бы ежегодно 4 процента от всех управляемых им активов. Вместо этого он с готовностью получал только комиссионные за сделки, которые, по его заявлению, он проводил. Он зарабатывал меньше, чем фонды, которые не делали ничего, кроме как вручали ему деньги. В этом не было смысла. Кто знал, что Берни был таким щедрым? Но оказалось, что это было фишкой его схемы. Поскольку он отдавал фондам львиную долю комиссионных, они добывали для него все новые деньги. Говоря просто, он подкупал их высоким вознаграждением; говоря по существу — он покупал их души.

Хотя, учитывая, что это происходит на Уолл-стрит, в наличии душ можно усомниться.

На самом деле при изучении финансовой стороны его деятельности у нас не к чему было придраться. Руководство фондом обходилось ему

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

в копеечку, отнимало массу времени и сил. Берни нуждался в деньгах, которые можно было бы инвестировать. Если допустить, что доходы, которые он возвращал своим инвесторам, были его платой за доступ к их деньгам, то нельзя не прийти к заключению, что было бы значительно дешевле просто взять эти деньги займы на условиях краткосрочного кредита.

Сигналы опасности бросались в глаза каждому, у кого было финансовое образование или достаточное количество пальцев на руках и ногах, чтобы заметить разницу между средними 12 процентами ежемесячного дохода, который получали инвесторы, и низкой процентной ставкой, под которую Берни мог взять деньги займы. Зачем человеку в здравом уме брать на себя все эти трудности ведения сложного бизнеса, который отнимает денег больше, чем приносит? Да еще учитывая тот факт, что он уже руководит крупным предприятием — своим брокерско-дилерским подразделением.

И потом была еще загадочная клятва, которую он, похоже, брал со всех своих клиентов. Это было, наверное, единственное преуспевающее предприятие в истории, которое не только протестовало против любой публичности, но и фактически предупреждало клиентов о том, что если они раскроют любую информацию о своих инвестициях в Мэдоффа, то рискуют получить свои деньги обратно. Их могут вышвырнуть из денежного клуба за разглашение тайны! В отрасли, где хедж-фонды кичатся своими объемами, чтобы привлечь новых клиентов, это было не только необычно, но и абсурдно. В этом совершенно не было смысла.

У меня был список различных объяснений и этим, и другим, по большей части необъяснимым проблемам, о которых нас уведомили менеджеры фидер-фондов. Сюда входили и утверждения, будто бы Мэдофф финансирует провальные месяцы за счет своего брокерско-дилерского подразделения, чтобы не потерять своих инвесторов, и что он обладает великолепной способностью выбирать момент сделки. С другой стороны, было очевидно, по крайней мере для меня, что крупнейшие инвестиционные фирмы знали или подозревали, что Мэдофф мошенничает. Никто из них — ни *Merrill Lynch*, ни *Citigroup*, ни *Morgan Stanley* — не инвестировали в него. Более того, генеральный директор по брокерским операциям из *Goldman Sachs* сказал мне, что они не поверили в законность доходов Мэдоффа, поэтому решили не иметь с ним дела.

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

Единственный человек в SEC, с которым я продолжал общаться, был Эд Мэнион. Агентство поставило его в очень неловкое положение. Он знал о моих находках и о том, что ничего не может сделать, чтобы помочь мне, хотя постоянно интересовался, что мне удалось еще “накопать”, и убеждал меня не останавливаться. В начале 2005 года он принялся действительно советовать мне собрать весь материал и сделать еще одно заявление. Гранта Уорда на должности директора правоохранительного подразделения заменил Дэвид Бергерс. На работу поступил новый начальник отдела Майкл Геррити. “Он тебе понравится, — сказал Эд. — Он по-настоящему умен и пытается что-то менять”. Судя по тому, чем закончилось наше сотрудничество с SEC, я не был так в этом уверен. Но немного погодя Эд начал брать меня измором. “Попробуй еще раз, — сказал он. — Давай же, Гарри, всего лишь один раз. В этот раз все будет по-другому. Геррити прислушается к тебе”.

Еще раз... Меня не смущало, что придется выложиться по полной, но останавливала возможность — нет, вероятность — того, что SEC проигнорирует нас снова. Мысль о том, что придется снова карабкаться на самый верх только для того, чтобы снова оказаться сброшенным в самый низ, была для меня слишком гнетущей.

Стоял июнь, когда мы получили первый намек на то, что Мэдофф попал в беду. Фрэнк обедал с клиентом компании *Benchmark Plus*, итальянцем, который руководил *F3* — фондом фондов хедж-фондов. *F* в кубе означало, что инвесторы платили три уровня комиссионного вознаграждения, но большинство из них считали, что это обеспечивает им более надежные гарантии. В какой-то момент во время обеда Фрэнк задал ему вопрос, который до этого задавал уже пятьсот раз: “Что ты знаешь о Берни?”

Но в этот раз ответ отличался от остальных. “Ах, Берни, — сказал клиент, и с отвращением взмахнул руками. — В Европе говорят, что он ищет, у каких бы банков взять займы”, — и назвал банк, который уже отказался открыть ему кредит.

“Очень странно, — ответил Фрэнк. — Почему он нуждается в деньгах? Он получил от своих клиентов 30 миллиардов долларов. Для чего ему помощь банков?”

У итальянца были еще новости: “Банки исключили его из списка одобренных клиентов, — он объяснил, что два крупных международных банка, канадский *Royal Bank* и *Societe Generale*, больше не ссужали своим клиентам деньги для инвестирования в Мэдоффа. — Поэтому он нуждается в деньгах”.

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

“Я чего-то не улавливаю, — сказал Фрэнк, начиная понимать. — Я думал, он закрыл фонд. Говорят, он больше не берет денег”.

“Я не знаю, — сказал итальянец, хотя было совершенно ясно, что он-то знает. — Но он становится агрессивным. Ему нужны деньги”. Этот итальянец также упомянул, что доходы Берни упали. Когда мы впервые просматривали данные Бройхилла (о них я писал в главе 2), он обеспечивал 19 процентов чистого дохода, но за последние годы его прибыль неуклонно падала.

“Кто знает?” — философски заметил Фрэнк.

Но он знал. И когда он послал мне электронное письмо с описанием этого разговора, я тоже знал. Берни был в беде. Он столкнулся с трудностями, добывая деньги, чтобы прокормить зверя. Мировая экономика сбавляла обороты, и он начинал это чувствовать. Я знал, что его полный крах был только вопросом времени. Для меня это означало, что он стал еще более опасным, как любое загнанное в угол животное. Ради того, чтобы выжить, он был готов на все. Поэтому я решил, что с моей стороны будет разумно сделать все, что в моих силах, чтобы уничтожить его как можно скорее, даже если это означает повторный визит в SEC.

В конце концов скрепя сердце я попросил Эда назначить мне встречу с Геррити, и она была назначена на конец октября 2005 года. Готовясь к ней, я начал работать над заявлением, которым хотел сопроводить свою презентацию. Я помнил, что в августе 2001 года администрация Буша спокойно обошла вниманием сообщение разведки: “Бен Ладен решил ударить по США”. Я надеялся, что правительство извлекло из этого случая хотя бы какой-то урок. И чтобы гарантировать, что тот, кто будет читать мое заявление, будет точно знать, что за информацию оно содержит, я коварно озаглавил его “Самый крупный в мире хедж-фонд — фальшивка”.

“Самый крупный в мире хедж-фонд — фальшивка”. Довольно смелое утверждение. Я надеялся, что это заставит хоть *кого-то* в SEC, кроме Эда Мэниона, обратить внимание.

Мое имя не фигурировало нигде в отчете. Это было нужно, чтобы защитить себя. Поэтому я должен был доказать свою профессиональную квалификацию. “Я, оригинальный источник предоставленной в этом документе информации...”, — так начиналось мое заявление. Обрисовав способ сбора информации, я обозначил свою квалификацию: “Я — эксперт по вторичным ценным бумагам и заключал сделки или ассистировал при заключении сделок на несколько миллиардов долларов США по опционным стратегиям для хедж-фондов и институциональных клиентов. У меня есть опыт управления продуктами с использованием стратегии защитного

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

воротника с помощью опционов индексных и индивидуальных фондов, как с опционами индекса пут, так и без них. Мало кто в мире обладает математическими знаниями, позволяющими управлять продуктам этого типа, и я один из них...”

Потом я объяснил свои опасения: “В результате этого дела некоторые карьеры на Уолл-стрит и в Европе будут закончены. По этой причине я не подписываюсь и не ставлю свое имя на этом отчете. Я прошу, чтобы мое имя не разглашалось никому за пределами SEC без моего официального письменного разрешения. Чем меньше людей будет знать о том, кто написал этот отчет, тем лучше. Я беспокоюсь о своей личной безопасности и о безопасности своей семьи...”

А дальше на 15 страницах, дополненных несколькими приложениями, я изложил свои доводы. Я описал аферу Мэдоффа как “самый крупный, по сути, хедж-фонд в мире”, но заметил, что никто не знает, сколько денег находится у него в управлении. По моим подсчетам, эта сумма составляла от 20 до 50 миллиардов долларов; я добавил, что, поскольку “мы не знаем объема всей отрасли хедж-фондов, эти числа не должны нас удивлять”. Потом я описал 30 сигналов опасности, каждый из которых по отдельности не мог не вызвать подозрения, а вместе взятые они явно давали понять, что Мэдофф был мошенником. Хотя я ни секунды не сомневался в том, что это схема Понци, Фрэнк и Майк не исключали вероятность опережения рынка, поэтому я уточнил: “Если бы Берни Мэдофф занимался прогнозированием фондового рынка, что является чрезвычайно прибыльной деятельностью, ему не пришлось бы брать деньги в долг у своих инвесторов под 12 процентов. Тем не менее велика вероятность того, что это все-таки схема Понци... Изошренность БМ в привлечении денежных средств, необходимость секретности, высокая 12%-ная средняя стоимость фондов, использование в качестве основной стратегии инвестирование в деривативы, которую мало кто из инвесторов (или сотрудников регулятивных органов) способен понять, приводят к единственно возможному и очевидному заключению — перед нами схема Понци”.

Я привел множество математических данных, попытавшись по возможности упростить их, где это было возможно, но чтобы разобраться в них, требовалось хотя бы элементарное понимание принципов функционирования рынка. Например, сигнал опасности №5 гласил: “Предположим, что БМ купил трехмесячные опционы пут индекса OEX по цене, на 3% превышающей цену финансового инструмента, лежащего в их основе, и он заплатил за них 3%, тогда рынок должен упасть на 6%, чтобы инвесторы смогли бы окупить свои затраты на опционы пут. Более того,

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

индивидуальные акции опционов колл, проданные против каждого пакета акций, не принесут достаточно прибыли, чтобы компенсировать убытки на фондовой бирже на протяжении этих периодов значительного падения рынка. А у БМ была ЕДИНСТВЕННАЯ МЕСЯЧНАЯ ПОТЕРЯ В 6 СОТЫХ ДОЛИ ПРОЦЕНТА во время азиатского финансового кризиса в 1997-м году, дефолта в России и кризиса управления долгосрочным капиталом в 1998 году и катастрофических потерь на рынке в 2000–2002 годах. Согласно данным *Fairfield Sentry Limited* о доходах (Приложение 1), БМ отразил в бухгалтерском учете –0,06% убытков в августе 2002 года. Эти суммы доходов слишком хороши, чтобы быть правдой! И, по моему опыту, всякий раз, как хедж-фонд указывает в отчете доходы, которые слишком хороши, чтобы быть правдой, они оказываются ложными”.

Я завершил этот отчет серией прогнозов касательно того, что произойдет, если Мэдофф создал схему Понци. “Конгресс будет очень рассержен, — написал я, — а есть же еще сенат и слушания в палате представителей...”

А потом я в общих чертах обрисовал финансовую версию *рождественской колядки*, обратив их внимание на те хорошие вещи, которые могут случиться с SEC, если она предпримет меры: “Благодаря этому эпизоду SEC приобретет в Вашингтоне политическую популярность, но только если покажет себя инициативной и немедленно начнет полномасштабное “расследование всех красных флажков”, окружающих *Madoff Investment Securities, L.L.C.*” Также я описал, что случится, если SEC этого не сделает: “В противном случае, я почти уверен, что генеральный прокурор Нью-Йорка Элиот Спитцер начнет свое собственное расследование первым и опять “обскачет” SEC, подвергнув ее дальнейшему публичному позору”.

Начальник бостонского отдела SEC Майк Геррити не понимал математических расчетов, но, в отличие от многих других людей, с которыми мне доводилось встречаться в этом агентстве, он отдавал себе в этом отчет и не стеснялся в этом признаться. Самое главное — он хотел учиться. Это было удивительно. Я встретился с Геррити и несколькими другими людьми в офисе SEC 25 октября. Геррити был бывшим журналистом и адвокатом, поэтому он знал, как задавать вопросы, и понимал юридические последствия ответов. Он сказал, что прочитал мой отчет, и он показался ему очень правдоподобным. У него были вопросы, которые можно было задавать часами и которые требовали ответов. В комнате для переговоров стояла пластиковая белая доска, и, если в ходе разговора ему что-то было неясно, то по его просьбе я излагал это вкратце на этой доске, пока он не начинал понимать. Я провел там много часов, рисуя схемы и диаграммы и проводя его через дебри математики. Большую часть моих данных

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

составляла высшая алгебра и тригонометрия, базовая математика. Я использовал оси X и Y , объясняя сложные вычисления в простых терминах. Когда мы знали, что рынок идет одновременно и вверх, и вниз, ему было совсем несложно взглянуть на кривую показателей выручки и прибыли, которая росла под углом в 45° , и понять, что что-то было не так. Он не давал мне даже присесть, пока не удостоверился в том, что понял мою точку зрения. Он задавал мне бесконечное количество вопросов. Что делают акции? Что они должны делать? Что делают опционы? Как они влияют на доходность портфеля? В какой-то момент мы начали обсуждать возможность того, что я полностью ошибался. “У вас есть две теории относительно аферы, — спросил он. — Что если его доходы реальны? Есть ли этому объяснение?”

Я сказал, что вообще-то есть одно возможное объяснение, и, к несчастью, я не внес его в свое заявление. “Единственная возможность реальности этих доходов состоит в том, что Берни Мэдофф — инопланетянин из космоса, который обладает идеальным знанием того, что будет происходить на фондовом рынке”.

“Нет, это было бы нечестно”, — ответил он. Я со смехом согласился, радуясь осознанию того, что Геррити относится к заявленным доходам Мэдоффа с глубоким недоверием.

К тому времени, как наша встреча подошла к концу, Геррити не только постиг математику, но и осознал угрозу, которую Мэдофф представлял для мировой экономики. Он объяснил, что немедленно начнет расследование и даст мне ответ как можно быстрее. Я покидал офис SEC более обнадеженным, чем ожидал. Геррити показался мне умным, настойчивым и талантливым. И он все понимал. Он позвонил мне меньше чем через неделю. “Гарри, я провел расследование, — сказал он. — Я обнаружил несколько серьезных нарушений, которые меня очень беспокоят. Я не имею права делиться с тобой этой информацией, но я думаю, это все настолько серьезно, что должен свести тебя кое с кем из нашего нью-йоркского регионального офиса”.

“Если бы это происходило в нашей юрисдикции, уже завтра мои ребята разорвали бы Мэдоффа на клочки, — добавил он. — Но, к сожалению, это не так. Это юрисдикция Нью-Йорка, и я должен тебе сказать, что у нас не самые лучшие отношения с этим офисом”.

Он пообещал мне, что сделает все, что сможет, прежде чем передать это дело в Нью-Йорк. Он дал мне имена двух людей, с которыми он находился в контакте. Единственное, о чем я его попросил со своей стороны, было сохранение моей анонимности. Я сказал: “Я хочу, чтобы только два человека в

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

Нью-Йорке знали, кто я такой: начальник отдела и руководитель следственной группы. Просто передайте им мое заявление и скажите, что оно поступило от бостонского осведомителя. Я позвоню одному из них, представлюсь осведомителем из Бостона и раскрою свою личность. Но вообще-то я хочу, чтобы эти двое знали только мое имя”. Я предполагал, что на основании рекомендаций Геррити Нью-Йорк наконец-то пошлет следователей, но я хотел, чтобы люди на месте могли задавать мне вопросы. По возможности я хотел бы подготовить команду до ее выезда, чтобы убедиться, что они будут задавать правильные вопросы и требовать правильные документы. Геррити дал мне слово, что сделает для этого все, что в его силах.

Как я узнал позже, региональный администратор бостонского офиса Уолтер Рикарди хотел придержать это дело для себя. Он понял, что перед ним открывается возможность сделать себе на этом имя, и сопротивлялся решению передать дело в Нью-Йорк, потому что почувствовал, что это самое громкое дело, которое выпало ему за время работы в SEC. Но, как он сказал главному инспектору SEC, он всегда настаивал на сотрудничестве региональных подразделений и теперь мог наконец претворить это сотрудничество в реальность. Рикарди понимал, что, если он передаст в Нью-Йорк громкое дело, которое получит значительную огласку, все узнают о том, как он ценит региональное сотрудничество. А я знал, что если бы Бостон оставил это дело у себя, они бы расследовали его очень тщательно, а я бы был под рукой, чтобы помочь им советом.

Но мы никак не ожидали, что нью-йоркский офис заберет эти доказательства и, по сути, похоронит их. Оглядываясь назад, я не понимаю, что меня так удивляло. Ожидать, что нью-йоркский офис поведет себя как-то иначе, было по меньшей мере наивно.

По иронии судьбы через два дня после моей первой презентации Рикарди был назначен заместителем главы департамента правоприменения SEC в Вашингтоне. Его работа на этой должности заключалась в том, чтобы “присутствовать при планировании и руководить инициированными Комиссией расследованиями и другими правоприменительными акциями”. Он был правильным парнем на прекрасной должности. Я не уверен, что в тот момент сказал Нилу или Фрэнку, что теперь Берни от нас не уйти, но именно так думал. Финансовая империя Мэдоффа приходила в упадок, и я был уверен, что SEC вот-вот начнет расследование. Он не мог продолжать скрываться за своей завесой.

Ах, я всегда был таким оптимистом!..

Два человека, имена которых назвал мне Геррити, были начальник нью-йоркского отдела Меган Чунг и помощник директора Дориа Бахенхеймер.

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

Я никогда не слышал о них прежде. Меган Чунг занимала ту же должность, что и Майк Геррити, но на этом сходство заканчивалось. Как и советовал Геррити, в начале ноября я позвонил Меган Чунг и представился бостонским осведомителем. Наверное, я ожидал от нее какой-то реакции, хотя бы самой банальной наподобие: “Я читала ваш отчет, и у меня возникла к вам пара вопросов”.

Она ограничилась лишь упоминанием о том, что прочла мой доклад, но не задала ни одного вопроса. Ни одного! У меня сложилось впечатление, что я отрываю ее от каких-то важных дел. Не было ни восхищения, ни энтузиазма, ни признания того, что я дал ей в руки самое крупное дело за всю ее карьеру. Мне пришлось вытягивать из нее каждое предложение. Когда я спросил, есть ли у нее какие-то вопросы по моему отчету или, может быть, что-то непонятно, она отреагировала так, будто я пытаюсь ее оскорбить. Помню, я спросил ее: “А вы разбираетесь во вторичных ценных бумагах?”

В ответ она гордо заявила: “Я вела дело компании *Adelphia*”.

Когда я указал, что дело *Adelphia* было, по сути, делом о подделке бухгалтерских документов на три миллиарда долларов (руководители подтачивали финансовую отчетность, присваивая деньги компании) и что мое дело намного сложнее, она обиделась. Я заметил, что мошенничество с деривативами требует большего опыта в финансах, нежели знакомство с делом о подлоге. Она ответила, что ей не обязательно разбираться во вторичных ценных бумагах, и поведала мне, что служба экономического анализа SEC в Вашингтоне, округ Колумбия, укомплектована кандидатами наук, которые в состоянии разобраться с деривативами.

В начале нашей беседы я надеялся, что мы сможем работать. Я объяснил Меган, что формулы, которые используют ученые в академической среде, весьма отличаются от тех, что применяются в финансовой индустрии. Я не хотел оскорбить ее, просто пытался объяснить, что у нас другая математика, и ее практическое применение сильно отличается от применения в академических учреждениях.

Десять лет на своей последней работе я провел, досконально и тщательно анализируя эти финансовые инструменты. Я делал это так часто, что мог бы повторить это даже во сне. У тех людей из службы экономического анализа SEC просто не было такого опыта.

Собственно говоря, я пытался донести до нее тот факт, что могу ей помочь; она же пыталась донести до меня идею, что ей не нужна моя помощь. Вот как развивались наши отношения. На протяжении нескольких следующих месяцев я время от времени звонил ей или писал по

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

электронной почте. Она всегда отвечала на мои звонки, но никогда не заводила разговор сама, равно как и не доводила до конца дискуссию. Кажалось, что беседы со мной совершенно ее не интересуют. Какой бы вопрос я ни задавал, она отвечала уклончиво.

— На каком этапе находится расследование?

— Я не могу вам сказать.

— Его уже можно назвать официальным? (Имеется в виду, что SEC решила издать приказ о вызове в суд, чтобы получить необходимую информацию.)

— Нет.

— Вы можете рассказать мне немного о том, что происходит?

— Нет.

— Вам что-то еще от меня нужно?

— Если понадобится, мы вам позвоним.

Я испробовал все, что только пришло мне в голову, чтобы убедить ее начать расследовать дело Мэдоффа. Я сказал ей, что у меня есть список из 47 уважаемых в финансовой отрасли профессионалов, которые охотно побеседуют с ней, если она позвонит, и что каждый из них сможет подтвердить мои слова. В этом списке были глава отдела изучения вторичных ценных бумаг *CitiGroup* Леон Гросс; Бад Хастлер, который был главным специалистом по стратегиям опционов в *Miller Tabak Securities*; и Майк Окрант. Насколько я знаю, Меган так никому из них и не позвонила.

Бедный Эд Мэнион. Несмотря на все это, он был действительно хорошим парнем. Как минимум раз в неделю я звонил ему и изливал свое разочарование. “Твое агентство — полный отстой! — говорил я. — Твои люди совершенно некомпетентны. Им даже насморк зимой схватить не удастся. Я не могу поверить, что они способны самостоятельно одеваться по утрам. Я даже не уверен, что они в состоянии реагировать на свет и тепло”.

“Слушай, Эд, эта Меган Чунг — не Майк Геррити. Я вручаю ей ее самое крупное дело в ее жизни, а она ведет себя так, будто я причиняю ей неудобства. Она ни капли не заинтересована в этом деле. Она до сих пор не задала мне ни одного вопроса. Что у вас вообще за контора?”

Эд чувствовал себя так же ужасно, как и я, но ничего не мог поделать. Он напомнил мне, что офисы Бостона и Нью-Йорка конкурируют между собой. Если в Нью-Йорк из Бостона передавали на рассмотрение дело, то нью-йоркцы думают, будто Бостон пытается свалить на них бесперспективное дело, и даже не думают следовать установленным правилам. Они просто не верят, что Бостон может отдать им громкое дело просто потому, что так правильно. Это как если бы *Red Sox* продали *Yankees* Бейба Рута.

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

Я был очень зол на Меган Чунг, но понимал, что не она виновата. Она просто была продуктом системы. Она прошла всю требуемую SEC подготовку; у нее были все ресурсы, доступные человеку ее уровня; и этого было мало. Требования SEC к опыту работы на фондовых рынках были чересчур низки, как и знания, требуемые для сдачи экзамена при тестировании на соответствующие должности, и все это надо было исправлять на гораздо более высоком уровне, чем тот, на котором находилась Меган Чунг. Как служащий, она была не хуже и не лучше большинства работников агентства. На самом деле, как мы потом узнали, никто из этих людей — ни Чунг, ни Бахенхеймер, ни их ассистент, адвокат правоохранительного подразделения SEC Симона Су — никогда не вели расследований схем Понци. Они даже не знали, что им следует искать, а будучи заложниками существующей бюрократической системы, не хотели демонстрировать непрофессионализм или неподготовленность, обращаясь за помощью к кому-то вроде меня. Эд Мэнион и Майк Геррити были исключением из общей массы, а Меган Чунг — ее типичным представителем.

Пока суд да дело, Чунг и другие руководители из ее офиса проводили время, расследуя мелкие мошенничества и изредка добиваясь обвинительных приговоров и внимания прессы. Они занимались ловлей блох вместо того, чтобы охотиться на слонов, но именно этому они были обучены. У них не было стимула делать что-либо сверх того. В мире SEC любое дело — это всего лишь дело, а расследование сложного случая Мэдоффа засчитывается так же, как расследование растраты какого-нибудь мелкого брокера. За ведение крупного дела, требующего титанического труда, не полагаются никаких бонусов; больше того, можно даже нажать себе проблемы из-за того, что вы заденете больших шишек, священных коров, да еще и крупные политические фигуры. Так, например, в одном госучреждении мне сказали, что как-то раз нью-йоркский сенатор Чак Шумер позвонил в SEC, чтобы навести справки о расследовании дела Мэдоффа. При этом нет никаких оснований считать, что Шумер таким образом совершил какое-то правонарушение. Ноль! И нет повода думать, что с его стороны это была попытка вмешаться в следствие. Сенатор Шумер, несомненно, позвонил по поручению своих избирателей. Но дело в том, что SEC основана Конгрессом, поэтому ее служащие очень нервно реагируют на такие запросы. Не удивительно, что для амбициозного работника SEC среднего уровня любое дело, в котором замешан важный политик, — это дело, от которого он хочет держаться подальше. Куда безопаснее охотиться на мелких сошек.

В начале следующей недели мне стало ясно, что Чунг не только не собирается останавливать Мэдоффа, но и не понимает, в какой опасности

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

я нахожусь. Больше всего меня пугало то, что она могла меня раскрыть. Было очевидно, что она некомпетентна в расследовании дела такого рода. Возможно, она получила взятку, хотя у меня нет доказательств; но я бы не удивился, если бы она выболтала мое имя просто по неосмотрительности и легкомыслию. Чем больше я обдумывал потенциальную опасность, тем больше она меня беспокоила. Мне стало казаться, что я слишком сильно высунул голову. Всякий раз, когда мы снимали очередной слой шелухи с луковицы, нам становилось все страшнее, потому что под ним обнаруживался еще один слой. Из крупной, хотя и местного значения аферы, над которой мы начинали работать, она шаг за шагом перерастала в гигантскую международную схему, опутавшую несколько континентов, в которой оказались замешаны олигархи, члены европейских королевских семей и, возможно, кое-кто из самых опасных людей на земле.

Я был загнан в угол. Я пытался предупредить правительство об огромных размерах этой схемы, но как раз из-за того, что она была столь огромной, правительство отказывалось воспринять меня всерьез. Проще говоря, они считали, что никакая афера не может достичь таких масштабов и остаться незамеченной. А в SEC, подозреваю, считали, что я поднимаю ложную тревогу, вроде того мальчика, который кричал о приближении волков. И каждый раз, когда они от меня отмахивались, волк становился все больше и крупнее, из-за чего казался полностью выдуманным.

Страх во мне нарастал. Когда-то я это уже испытывал. В сентябре 1985 года армия послала мою группу командования пехотной бригадой Национальной гвардии на подготовку в Германию, и во время учений по бомбометанию во Франкфурте мы подверглись нападению террористической организации Фракции Красной Армии. Вообще-то мы прошли неплохой курс подготовки, нас научили самозащите, проверке транспортных средств на наличие бомб и поведению в ситуации, когда тебя взяли в заложники. Нашим врагом тогда была хорошо организованная террористическая ячейка, которая подготовила список лиц, намеченных к ликвидации; они охотились на нас. Но на этот раз все было по-другому. В этот раз враг был добродушным филантропом, уважаемым в обществе человеком — последним, кого можно было заподозрить в жестокости. Но мы уже знали, что его репутация была лишь маской, а на самом деле он был преступником мирового класса. Никто не мог предвидеть, как далеко он может зайти, защищаясь, и какими будут последствия для того, кто попытается встать на его пути. Если все пойдет так далеко, я буду для него не более чем “маленьким неудобством”.

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

Идя по улице, я то и дело оглядывался, а прежде чем завести автомобиль, заглядывал под днище. Но эти меры предосторожности уже не казались мне достаточными. Я начал носить с собой револьвер “Смит и Вессон” 642. В конце концов я решил, что пришло время обратиться за помощью.

Я знал, что единственные люди, на которых я смогу положиться и которые будут рядом со мной и с моей семьей 24 часа в сутки, — это офицеры полицейского отделения города Уитмен, штат Массачусетс. Я доверял своему местному полицейскому отделению намного больше, чем любому федеральному агентству. Годы разочарования в федеральных учреждениях давали о себе знать. Для полиции штата Массачусетс или для шерифа округа Плимут я был просто гражданином, живущим на территории штата. Значит, оставались только местные полицейские, участок которых находился всего в нескольких кварталах от моего дома.

Уитмен — это типичный для Новой Англии маленький городишко с населением не больше 15 тысяч. У нас длинная история и небольшой городской центр, где приятно встречаться с соседями. Некоторые из домов городка построены еще до революции, а по их дымоходам можно определить, на чьей стороне в этой битве были их владельцы — у приверженцев короля верх дымохода был обведен черной полосой, которая на некоторых домах сохранилась до нашего времени. Позже Уитмен стал родиной печенья с шоколадной крошкой Toll House. Мы с Фейт счастливо прожили здесь почти семь лет, но внезапно я начал смотреть на привычные места по-другому. Не станет ли вон тот угол прекрасным местом для засады? А кто этот человек, сидящий напротив нас за тарелкой с пиццей в “Венере”? Это было неприятно; Берни Мэдофф стал центральной фигурой моей жизни, и я очень надеялся, что он пока не подозревает о моем существовании.

Площадь Уитмена составляет всего 6,97 квадратных миль. Это означает, что полицейской машине понадобится всего минута, чтобы добраться до моего дома из любой точки в городе. И никто не беспокоится о жителях города Уитмен больше, чем наш местный полицейский отдел.

Когда мы с Фейт переехали в Уитмен, я пошел в местный полицейский участок, чтобы поучить разрешение на ношение огнестрельного оружия. В тот день я познакомился с сержантом Гарри Бейтсом и с тех пор часто видел его, бывая в центре. У нас в городе всегда так тихо, так спокойно, поэтому когда однажды среди бела дня я ввалился в его полицейский участок бледный, как привидение, и мокрый от пота, Гарри сразу понял, что меня что-то всерьез обеспокоило. “Мне нужно поговорить с тобой, — сказал я ему, — в твоём кабинете”.

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

По правде говоря, я уже не помню, что стало последней каплей, переполнившей чашу моего страха. Наверняка это было что-то на первый взгляд невинное — например, кто-то позвонил и положил трубку или возле моего дома остановился и какое-то время постоял автомобиль. Возможно, я что-то прочитал или услышал — какой-то банальный комментарий или пара вроде бы никак не связанных между собой сообщений. Но что бы это ни было, сорвался. Внезапно я понял, что непременно должен увериться в том, что, когда я позову на помощь, она появится незамедлительно. Причем с огнестрельным оружием.

Гарри Бейтс удобно устроился в своем кресле и спросил: “Что происходит, Гарри?”

Я выложил ему краткое описание. По сути, сказал я, мне удалось раскрыть многомиллиардную глобальную пирамиду, самую крупную аферу в истории, и я боюсь, что меня могут убить, чтобы закрыть мне рот. Может, сержант Бейтс и не знал, что такое “пирамида”, но он уж точно понял, что такое миллиарды долларов.

“Чего вы хотите от нас? — спросил он. — Куда я должен с этим пойти?”

“Вы должны держать это в тайне, — объяснил я. — Если ты внесешь эту информацию в журнал учета обращений граждан и о ней пронюхают газеты, моя жизнь будет в опасности. Если ты будешь болтать об этом и хоть слово просочится наружу, моя жизнь будет в опасности”. Сержанту Бейтсу понадобилось некоторое время, чтобы понять, что я не шучу, но, к его чести, он начал работать со мной над планированием самой безопасной ситуации. Мы сошлись на простом плане. Он знал, что если я позвоню и попрошу о помощи, он должен будет примчаться со всеми своими полицейскими. Он знал, что если в моем доме сработает сигнализация, это не будет фальшивая тревога.

Потом он спросил меня: “Вы вооружены?” Мы обсудили разные виды оружия. Очевидно, он знал, что у меня есть лицензия; он ведь сам заполнял анкеты. Я рассказал ему, что сейчас я ношу с собой оружие, куда бы ни направлялся. Я объяснил, что сделал выбор в пользу легкого револьвера. Мне казалось, что лучше иметь оружие, которое можно быстро привести в действие, пусть и не столь смертоносное, нежели более сложное, но с большей убойной силой. Он заглянул в закон штата о контроле над оружием, чтобы уточнить, какое оружие разрешено ко всеобщему использованию. В Массачусетсе жесткие законы, и он не хотел, чтобы у меня возникли какие-то проблемы.

Потом он спросил, не хочу ли я носить бронежилет. Я уже думал об этом. Армия научила меня трем надежным приемам защиты: стрелять,

БОГИНЯ ПРАВОСУДИЯ НОСИТ НА ГЛАЗАХ ПОВЯЗКУ

двигаться и общаться. Вне всякого сомнения, я пытался общаться; меня хорошо обучили управляться со стрелковым оружием; оставалась маневренность — вот почему я решил отказаться от пуленепробиваемого жилета. Вообще-то я уже примерил несколько таких, но все они ограничивали мои движения. Если Мэдофф захочет меня убить, он прибегнет к помощи профессионалов, а это означает два выстрела, в спину и голову. В такой ситуации пуленепробиваемый жилет не поможет. Я знал, что единственное, на что мне остается уповать, — это на то, что меня не убьют первым выстрелом, тогда я смогу выстрелить сам, а потом либо удрать, либо ждать помощи. Это было лучшее, на что я мог рассчитывать.

К тому времени, когда я вышел из офиса сержанта Бейтса, я уже успокоился. Его уверенность ободрила меня. Я знал, что если со мной что-то случится, моя семья будет защищена.

Но кроме этой встречи, я принял несколько дополнительных мер предосторожности, чтобы гарантировать, что я не попаду в опасную ситуацию. Я обновил систему аварийной сигнализации внутри и снаружи дома, установил замки с защитой от взлома. Я стал возвращаться домой по ночам разными маршрутами. Я не проезжал и квартала, не посмотрев в зеркало заднего обзора. Кроме того, Фейт получила лицензию на ношение огнестрельного оружия и взяла несколько уроков по правильному обращению с оружием и стрельбе по цели. В итоге она стала великолепным стрелком. Мы держали оружие запертым в безопасном месте в доме, но так, чтобы его можно было легко и быстро достать.

По своему характеру я очень осмотрительный человек. Я один из тех странных людей, которые будут стоять на переходе у светофора и ждать, когда загорится зеленый, даже если в поле зрения нет ни одного автомобиля. Поэтому, оказавшись в опасности, я предпринял все мыслимые меры предосторожности, чтобы остаться в живых. У меня не было возможности узнать, как или когда Мэдофф меня вычислит. И в конце концов я принял решение. Если он свяжется со мной и будет угрожать, я поеду в Нью-Йорк и уничтожу его. В этом случае все сведется к одному: либо он, либо я, третьего не дано. Правительство вынудило меня впутаться в это дело, не сумев выполнить свою работу и защитить меня. У меня просто не оставалось выбора. Я собирался его убить.